

В ПОМЕЩЕНИИ Дворца кино всегда по вечерам горели яркие огни. Например, должны были показывать фильм молодого тарамбумбийского режиссера с труднопроизносимой фамилией, и потому любители кинематографа и почитатели тарамбумбийского таланта осаждали вход во Дворец. Уже на ступеньках перед стеклянными дверями стояли черные трагические фигуры, которые никогда не могли договорить до конца фразу: «Нет!», как только они успевали произнести «нет ли...». Да и действительно, у половины людей, непрерывным потоком вливающихся во Дворец кино, не было не то что лишнего билета, но и совсем никаких билетов не было.

С решимостью, порожденной отчаянием, они подошли к окошку администратора и с напором говорили:

— Здравствуй! На Бизюкина два билета есть?

— Нет, — честно говорили им. — Нет у нас билетов на Бизюкина.

— Я с вами в смысле на того Бизюкина, который от Материной!

— Не знаем мы никакого Материной!

— И Фридмана не знаете?! — громко изумляется жаждущий, призывая в свидетели этого вопиющего безобразия всех стоящих в вестибюле.

— Фридмана знаем, но он уже давно прошел.

— Вот мне к нему и надо! — настойчиво говорит поклонник кинематографа как отечественного, так и тарамбумбийского. За руку он держит жену, невесту или просто еле знакомую, как правило, очень высокую, худую, в дубленке и пышной шапке, из-под которой выплывают пережженные перекисью, неестественно желтые волосики. Она хлопает гигантского размера глазами и, видать, ничего не сообщает...

Но как бы там ни было, процентов тридцать из «настоячивых» попадает во Дворец кино. И не беда, что им в зале не найдется места, что фильма тарамбумбийского режиссера с тропическим именем они не посмотрят — их влечет во Дворец кино совсем другой интерес.

В самом помещении Дворца кино люди не и накурено. Первое, что бросается в глаза, — человек неопределенного возраста в замшевой курточке, который изысканным жестом достает пачку «Мальборо» и, вынув из нее сигарету, закуривает. Если приглядеться внимательно, то на сигарете явственно проступают заветные буквы: «Столичные «ЯВА».

Само фойе дворца полно народу — и первый этаж, где вешалки, и второй этаж, где кафе, паркет, масса натянутых повсюду мраморных колонн и гигантский витраж известного тарамбумбийского художника с еще более трудно произносимым именем, чем у режиссера, и нижний, подвальный этаж, где бар, бильярдная и закамуфлированные туалеты — все это забито народом. Не исключая и туалеты.

Люди стоят компаниями, группами, группочками, поодиночке, планируют по

фойе. Основное заключается в том, чтобы разговаривать как можно громче и делать вид, что тебя ничего не интересует, кроме собеседника, но на самом деле бдительным оком проверять — приковы-ваешь ли ты внимание населения или нет.

Вот идет пара — ему лет пятьдесят, ей нет тридцати. Он в фиолетовом костюме, в седой бороде и галстук «салат». Она в длиннейшем вязаном приспособлении, в оные времена называвшемся пеньюаром, в ресницах длиной в 26—27 сантиметров. Идут гордо, независимо — хорошо идут! Навстречу им движется пара — ему лет сорок, ей лет двадцать пять.

Нова. киноцентр. — 1990 — 22 июля

«ИНТЕРЕСНОЕ КИНО»

Глава из сатирической повести

Действие сатирической повести-типерболы «Интересное кино» происходит в начале семидесятых годов. В основе ее сюжета — случайная встреча двух молодых людей с абсолютно совпадающей внешностью. Один из них — Ванадий Штанишко — режиссер на студии «Кинофильм», а второй — Алексей Питухов — депутат сыров, страстно желающий приобщиться к кинотворчеству. В результате встречи герои повести обмениваются паспортами. Питухов на неделю становится кинорежиссером, а Штанишко на это время уезжает в деревню отдохнуть от съомок...

Публикуемый отрывок рассказывает о торжественной церемонии открытия вечера, посвященного закрытию сезона во Дворце кино.

Полностью повесть «Интересное кино» выходит в ближайшие месяцы в издательстве «Киноцентр».

Он в костюме в шотландскую клетку и с трубкой в зубах. Она в розовом платье, безуспешно прикрывающем трусики с кружевчиками, и мушкетерских сапогах на Босу ногу.

— Смотри-ка! — презрительным тоном обращается 30-летняя к 50-летнему. — Я их знаю! Она работает манекенщицей в Доме моделей, а он... По моему, где-то в пушином тресте. Как вырядилась! И что за публика теперь во Дворце кино! Безобразия! Зачем их пускают!

А теперь прислушаемся к тому, что говорит вторая пара.

— Вот умора-то! — говорит девица в сапогах мужине с трубкой. — Ты знаешь, кто это? Это Цецилия Карловна из салона красоты. Косметолог, прыщики выдавливают! Ох, умора! А вырядилась-то, вырядилась! Ох, умора! А муж-то у нее зам, старшего калькулятора треста ресторанов и столовых в Конькове-Деревле-во! И как их сюда пускают!

Если составить список контингента людей, посещающих дворец, выйдет вот что:

1) Примерно 50 проц. публики — это косметологи, манекенщицы, директора комиссионных магазинов, парикмахеры, портные и другие полезные люди.

2) Родственники кинематографистов и администрации Дворца кино: жены, дети, дяди, тети, тещи, внуки, племянники и др.

3) Друзья и знакомые, шоферы и дом-

работницы косметологов, директоров, портных и др.

4) Друзья и знакомые, шоферы и домработницы, родственников кинематографистов и администрации Дворца кино.

5) Сами кинематографисты — примерно 5 проц.

Первые четыре группы независимо проходят по фойе, громко переговариваются, неестественно громко смеются и вообще всячески чувствуют себя в состоянии светской аффектации. Последние же, горемыки-кинематографисты, робко жмутся по углам, рыскают затравленными глазами и чувствуют себя язно неуютно...

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

В двери дворца врывается молодой человек в дикой мохнатой шубе до пят, с глазами, полными безудержного веселья.

— Сенька! — кричит ему другой молодой человек в белом френче, язно позаминимствованном с картины «Клуб знаменитых капиталов». — Где такую шубу оторвал?

— Косыка из Тарамбумбии* привез! — кричит в ответ парень в шубе.

Но это вранье. Всю ночь старенькая тетка из обрывков и огрызков траченных молю воротников, муфт и горжеток сшивала Сеньке шубу, которой сегодня он будет поражать знакомых во Дворце кино. По Сеньке и шуба!

— Зиновий! — надривно, через головы других людей, кричит мужчина в желтом пиджаке и красных ботинках. — Зямка, черт! Сколько лет, сколько зим!

— Вася? — ненатурально изумляется черт-Зяма и кидается другу в объятия.

Ровно два часа назад осветители Вася и Зяма успешно освещали 4-й павильон на студии «Кинофильм», но во Дворце кино все по-другому — здесь нужны сильные страсти...

В углу, за буфетного типа стойкой, каждый вечер колдовал кавказского типа молодой человек в грязном фартуке —

* Не обращайтесь внимания на то, что, кроме Тарамбумбии, мы не навываем ни одну страну. Это для того, чтобы вас не путать, дорогой читатель.

он варил кофе. Зрелище это было достойно программы любого цирка шапито. С необъяснимой ловкостью он держал в руках по шесть джезв сразу, метал их на огонь, с огня в песок, из песка опять на огонь; с обезьяньей проворностью насыпал в джезвы сахар и пахучий тарамбумбийский кофе. Звали его не то Коля, не то Ашот, точно никому не было известно.

В описываемый вечер, рассеянно наблюдая за действиями чудо-кофезара, рядом за столиком, попивая кофе, сидело четверо кинематографистов...

Их столик был как бы острожком в бушующем, гудящем и плещущем море представителей разнообразных посторонних профессий. Это — режиссер Андрей Никитич Сильвестров, директор группы Илья Самойлович Муромец и герой нашей повести Алеша Питухов, он же Ванадий Штанишко. Четвертым был худрук объединения «Молодость» — Макар Сергеевич Каздалевский, который будет представлен читателю несколько позже.

Нет, не горячая любовь к родному дворцу привела сегодня сюда этих уважаемых мастеров. Просто-напросто вышестоящее начальство обязало их присутствовать на торжестве закрытия сезона, и они нетерпеливо ожидали начала вечера, чтобы, отсидев в президиуме положенное время, ринуться сломя голову в раздевалку, нарочно пренебрегая художественной частью. А Каздалевский, помимо того, должен был еще произнести и вступительную речь.

Мимо столика, одетый в строгий темно-серый костюм со скромным одноцветным галстуком, медленно прошел знаменитый французский актер Пьер Гидроль. Мертвой хваткой вцепившись в плечо артиста, на нем висела слабоумная девица, выдававшая себя за переводчицу и извещавшая в околкинемаатографических кругах под рыбной кличкой «Тюлька». Если бы не доброе сердце и авторитет иностранного гостя, ее бы в жизни не пустили на порог дворца, куда по неоднократным просьбам райотдела милиции и гневным требованиям организации и частных лиц вход ей был строго-настрого запрещен.

Тюлька, одетая в вывернутую наизнанку болгарскую дубленку с отрезанными рукавами, обливаясь потом и еле передвигаясь на румынских «платформах», вынуждала обычно подвижного и энергичного актера плестись черепашьим шагом. Даже о самой примитивной беседе с висячей дамой мечтать не приходилось — несмотря на учебу в Инязе, из всех иностранных слов слабоумная Тюлька твердо знала только «сертификат» и то произнести его явно не могла вследствие врожденной шепелявости.

Глаза артиста были полны тоски и отчаянья, но присущая ему галльская галантность не позволяла отцепиться от девицы и послать ее туда, куда ее частенько слали организации и частные лица на русском языке, значительно более выразительном, чем у несчастного Гидроля.

(Продолжение следует).